

На перепутье: между Диканькой и Миргородом

Небывалый успех «Вечеров на хуторе близ Диканьки», изданных в Петербурге осенью 1831 г. *Пасичником Рудым Паньком*, не позволил Гоголю долго сохранять инкогнито. Сначала его фамилия звучала лишь в пушкинском кругу, затем, когда он стал посещать салоны, в других столичных сферах. Многие, в том числе весьма родовитые и сановные украинцы, заинтересовались именем того, кто прославил родной край. А земляки, знакомые и его соученики по Нежинской гимназии высших наук не скрывали гордости за Николая Гоголя-Яновского. 19 февраля 1832 г. его официально представили на торжественном обеде в магазине-библиотеке А. Ф. Смирдина среди 48 известных петербургских литераторов, наравне с Пушкиным, Крыловым, Жуковским... и Гоголь, как все присутствовавшие, обязался подарить хозяину какое-нибудь свое новое творение. Буквально через месяц, в марте, появилась и вторая книжка «Вечеров», умножившая известность автора как *Рудого Панька* или *Пасичника*. Тем же летом в Москве его горячо принимали Аксаковы¹, поэт И. И. Дмитриев, прозаик, драматург, профессор истории М. П. Погодин, фольклорист, профессор ботаники М. А. Максимович...

По возвращении в Петербург Гоголь продолжает преподавать в Патриотическом институте, занимается живописью в Академии художеств, навещает Пушкина и Жуковского, заводит новых приятелей – художников, ученых, литераторов, поклонников своего таланта, встречается с нежинскими «однокорытниками»². И все ждут от него продолжения «Вечеров»... Не против и сам автор. Так, в письме от 9 сентября 1832 г. Погодину Гоголь спрашивал, не купят ли московские книгопродавцы второе издание «Вечеров», и намекал при этом на другое свое «новое детище» (X, 237-238), как можно понять, входящее в цикл.

В то же время шумная слава, восторженный прием в Москве, а затем на родине, видимо, исподволь меняют его самооценку. Положение «нового историка» Малороссии, пример исторических занятий Пушкина дают Гоголю иное понимание должности историка, заставляют усердно читать историко-философские издания и европейскую классику (круг ее определяли Пушкин и Жуковский). Он продолжает учиться и собирает нужные сведения, чтобы яснее разглядеть современность в зеркале прошлого. Обработку исторического материала теперь сопровождают рисунки, отрывки, подневные записи, по-разному анализирующие действительность. Гоголь явно проецирует на нее излюбленные романтиками всемирные историко-географические коллизии, переломные моменты истории, необычных героев, а изображая это как писатель, опробует возможности различных литературных направлений, использует идеи европейской философии. Его все больше привлекает «синтез» историософских сочинений, жанров фольклора, больших эпических форм литературы и создание на этой основе «исторической перспективы» образов. С точки зрения романтиков, таким и должно быть творчество настоящего художника-ученого.

Вот почему Гоголь уже готов был отказаться и от продолжения «сказок», и от самих «Вечеров», сделавших его знаменитым. В письме М. П. Погодину от 1 февраля 1833 г. он раздраженно заявил: «Вы спрашиваете об Вечерах Диканских. Черт с ними! Я не издаю их. И хотя денежные приобретения были бы не лишние для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу <...> Я даже позабыл, что я творец этих Вечеров/ <...> Да обрекутся они неизвестности! покамест что-нибудь увесистое, великое, художническое не изыдет из меня.

Но я стою в бездействии, в неподвижности. Мелкого не хочется! великое не выдумывается!» (X, 256-257). Впрочем, за великим дело не стало. Буквально в следующем письме Гоголь признался, что слишком жаждет «современной

славы» драматурга и потому «помешался на комедии», которую хотел создать, используя злободневную и разноплановую российскую проблематику: «Она (комедия. – В.Д.), когда я был в Москве, в дороге, и когда я приехал сюда, не выходила из головы моей, но до сих пор я ничего не написал. Уже и сюжет было на днях начал составляться, уже и заглавие написалось на белой толстой тетради: *Владимир 3-ей степени*, и сколько злости! смеху! соли!.. Но вдруг остановился, увидевши, что перо так и толкается об такие места, которые цензура ни за что не пропустит <...> Но что комедия без правды и злости! И так за комедию не могу приняться. Примусь за Историю - передо мною движется сцена, шумит аплодисмент, рожи высовываются из лож, из райка, из кресел и оскаливают зубы, и – история к черту» (X, 262-263). То есть историческую «правду и злость», охват, актуальность будущей комедии автор связывал с драматизмом (и несомненным комизмом!) осмысления российского прошедшего. Последняя же фраза позволяет сделать вывод, что Гоголь драматизировал историю, понимая ее как своего рода «Божественную комедию» (но, возможно, и трагикомическую «бессмыслицу жизни» – как потом в «Мертвых душах»), и этот принцип определял сатирическое изображение современности. Впрочем, у него были и другие веские причины для пессимизма...

Столичная жизнь принесла Гоголю не только славу. Лето 1832 г. он проболел и, будучи в Москве, обращался к известному врачу, профессору Московского университета И. Е. Дедьковскому³. Затем, уже вернувшись в Петербург, – к знаменитому лейб-медику, профессору терапии С. Ф. Гаевскому⁴. Следующую зиму писатель, по его выражению, «отхватал» в тонкой шинели, да и новая квартира, «чердак» в доме Демут-Малиновского, оказалась холодной, после чего состояние его здоровья всерьез обеспокоило друзей, Пушкина и Жуковского.

Позднее, в <Авторской исповеди> 1847 г., Гоголь будет связывать свое

писательство именно с «болезненным состоянием» и потребностью от него отвлечься: «Ни я сам, ни сотоварищи мои, упражнявшиеся также вместе со мной в сочинениях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим. <...> Причина той веселости, которую заметили в первых сочинениях моих, показавшихся в печати, заключалась в некоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мне самому необъяснимой, которая происходила, может быть, от моего болезненного состояния. Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать. Выдумывал целиком смешные лица и характеры, поставлял их мысленно в самые смешные положения, вовсе не заботясь о том, зачем это, для чего и кому от этого выйдет какая польза <...> Может быть, с годами и с потребностью развлекать себя веселость эта исчезнула бы, а с нею вместе и мое писательство», – и тут же приведено воспоминание, как Пушкин в беседе «начал... представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано...» (VIII, 438-439). Надо полагать, упомянутая таким образом болезнь изначально воспринималась Гоголем в то время, вероятнее всего, как **унаследованная** от отца, а следовательно – **смертельно опасная**⁵! куда серьезнее, нежели просто «геморроиды» (о которых он в 1831 г. написал матери шутливо: мол, у всех здесь они есть, вот и у меня появились. – X, 193). И эта, почти не учитываемая, негативная сторона жизни 23-летнего писателя в Петербурге, несомненно, отразилась на его характере и его сочинениях. Гоголю представилось, что ему как можно скорее нужно сменить климат и покинуть столицу. Но делать это, не упрочив своего положения и хоть как-то не обеспечив будущего, было бы неразумно... Следовало спешить! В письме к Погодину от 8 мая 1833 г. из Петербурга Гоголь откровенно и трезво сказал: «Я не иначе надеюсь отсюда вырваться, как только тогда, когда зашибу деньгу большую. А это не иначе может сделаться, как по написании увесистой вещи. А начало к этому уже сделано. Не знаю, как пойдет дальше» (X, 268).

Вероятнее всего, речь шла о научно-поэтическом варианте украинской истории. Ее набросками, своеобразным итогом «Вечеров», Гоголь на рубеже 1832-1833 гг. открыл новую тетрадь, явно предназначая **всю** ее для этой работы, хотя через некоторое время поместил на соседнюю страницу начало *петербургской* повести «Нос», затем в той же тетради работал над повестями будущего «Миргорода», а первые исторические записи в ней сделал основой статьи «Взгляд на составление Малороссии»⁶. Попытки объяснить историю Украины географией привели в начале 1833 г. к проекту «всеохватного» учебного историко-географического пособия «Земля и Люди»⁷. Но вскоре Гоголь охладел к подобной затее и вернулся к малороссийской теме, совмещая работу над историческим романом («Гетьманом», по мнению В. П. Казарина⁸) и сбор материалов по украинской истории. Параллельно он обдумывал комедию о нравах современной России по двум направлениям: 1) это столично-чиновничий сюжет «Владимира 3-ей степени» и 2) провинциально-свадебный сюжет «Женихов» (будущей «Женитьбы»), восходящий к повести Погодина «Невеста на ярмарке» (1827-1828). Кроме того, были в работе записки молодого петербургского художника или музыканта, обитателя чердака, которые, видимо, имели автобиографический характер и предназначались для совместного с В. Ф. Одоевским и А. С. Пушкиным издания (альманаха)⁹. Сами же записки *художника*, вероятно, должны быть сопоставимы с пошлой фантасмагорией будущего «Носа».

Осенью Гоголь напишет Погодину: «Какой ужасный для меня этот 1833-й год! Боже сколько кризисов! настанет ли для меня благодетельная реставрация после этих разрушительных революций? – Сколько я поначинал, сколько пережег, сколько бросил! Понимаешь ли ты ужасное чувство: быть недовольну самим собою. О не знай его! <...> Человек, в которого вселилось это ад-чувство, весь превращается в злость, он один составляет оппозицию против всего, он ужасно издевается над собственным бессилием. Боже, да будет всё это

к добру!» (X, 277). О том же «странном бездействии ума» при «растерянности мыслей» он сообщал в то время и А. С. Данилевскому (X, 259).

Приходит время исполнить обещанное А. Ф. Смирдину: что-нибудь отдать в его альманах «Новоселье» и его новый журнал «Библиотека для Чтения» (материал для них уже собирали), – да и московскому альманаху «Денница» давно обещана новая вещь... Тогда же Гоголь узнает, что на следующий год будет открыт Киевский университет Св. Владимира и, чтобы занять там кафедру всеобщей истории, ему нужна репутация серьезного ученого, подкрепленная хоть какими-то печатными трудами¹⁰. Начинается лихорадочная работа, из-за которой он отказывается что-либо еще помещать в альманахи.

Но вот парадокс: чем больше Гоголь занят необходимыми разысканиями, летописями, учеными трудами (и чем больше ему недостает материала!), тем сильнее разгораются фантазия и творческое нетерпение. Факты и вымысел, чувственное и логическое, исторически непреложное и возможные его варианты перемешиваются, обнаруживая внутренние связи, вступают в противоречивое взаимодействие. И наряду со штудиями по истории мира и народов Гоголь начинает силой воображения «дорисовывать» картины и прошлого – украинского мира, и нынешнего – петербургского, стараясь пластическими словесными образами передать саму жизнь, которая порождает, дает силу или губит, смешивает эпохи, искусства, науки, – жизнь, известную ему как субъекту истории и художнику-историку своего народа. При этом он явно стремится раздвинуть рамки отрывочно изображаемых миров как можно более «вширь» – до истории человечества, чтобы преодолеть прежнюю национальную ограниченность «Вечеров».

Именно тогда о Гоголе узнает самый широкий круг читателей. В начале 1834 г. газеты «Северная Пчела» и «Молва», журнал «Московский Телеграф» напечатали его объявления о работе над «Историей Малороссии», где Гоголь

именовал себя «автором *Вечеров на хуторе близь Диканьки*». В самом конце года в статье В. Г. Белинского «Литературные мечтания» опять была названа фамилия создателя «Вечеров»¹¹. Предисловие к сборнику М. Максимовича «Украинские народные песни» сообщало о «новом историке» Украины – авторе «Вечеров»¹². О том же говорилось в его новых книгах: на обороте издательской обложки «Арабесок» было помещено объявление: «Его же Гоголя. В непродолжительном времени выйдет продолжение Вечеров на хуторе близь Диканьки»¹³, – и позже сборник «Миргород» появился с подзаголовком «Повести, служащие продолжением “Вечеров...”». Итак, в начале 1835 г. Гоголь предстал перед публикой автором не только «Вечеров», но и двух новых книг.

В то же время он, по существу, отказался от «маски» Пасичника, известной тогда литераторам и читателям лучше настоящей фамилии автора (оттого, видимо, и было на год отложено уже прошедшее цензуру переиздание самих «Вечеров»). Дело в том, что повторное использование «маски» существенно ограничило бы проблематику гоголевского повествования. Из захолустной Диканьки регулярность и меркантилизм наступавшей цивилизации представлялись досадным, неестественным искажением природы, и попытка увидеть многообразие действительности глазами простодушного Пасичника и его земляков наталкивалась на ряд противоречий. Определенная национальная обособленность художественного мира «Вечеров» ограничивала «сферу автора» и предполагала между ним и читателем рассказчика-«посредника», который приводил и комментировал исторические факты, поверья, те или иные подробности народного быта, объяснял неизвестное читателю.

В «Вечерах» даны и трагические, и оптимистические примеры изменчивости человеческого бытия в историческом плане (финал большинства повестей о современности – рождение новой семьи, которому противопоставляется пошлость и выморочность жизни в повести о Шпоньке,

итогом большинства «исторических» повестей были смерть и разрушение). В «Арабесках» же современность показана пошлой и выморочной, губительной для художника. Петербургу в изображении Гоголя присущи черты *царства мертвых*, которое в античной мифологии обычно представало северной, холодной, бессолнечно-тусклой, вечно туманной страной, где обитают бесчувственные тени¹⁴. Видимо, подчеркнутая раздробленность мира русской столицы должна напоминать о первородном хаосе и тем самым указывать на «последние времена», приближение конца света. Потому здесь и возникают такие воплощения антихриста, как ростовщик и его портрет, и юная красавица-блудница, как бы сошедшая с полотна знаменитого католического живописца, и собаки – не только говорящие, но еще и грамотно пишущие душевные письма. Эти мотивы дополнены эсхатологическими идеями, явными в «истории художника-монаха», чей монолог подобен апостольским словам о «последних временах», переключаясь, например, с двумя посланиями апостола Павла¹⁵. Лишь вне Петербурга, в освященном пространстве монастыря, художник-монах сможет открыть сыну правду об антихристе, о разрушении мира, почему в нем всё больше материального, животного, дьявольского...

Как показали разыскания Д. И. Чижевского, с начала 1830-х гг. эсхатологические идеи были особенно близки индивидуальному и массовому сознанию благодаря известному предсказанию о конце света в 1837 г. немецкого писателя, ученого, мистика И. Г. Юнг-Штиллинга¹⁶. Подобные предсказания, как правило, обосновывались пророчествами Священного Писания и указанными в них приметами «последних времен», когда «люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы...» (2 Тим. 3:2) и когда, перед вторым пришествием Спасителя, появится антихрист. За его воплощения

принимали в раннем христианстве еретиков Ария, Нестория, Мухаммеда (Магомета), позднее официальный католицизм объявил антихристом М. Лютера. Как знак «последних времен» осмысляли нашествие гуннов во главе с Атиллой, завоевания Чингисхана. Русская эсхатологическая мысль представляла антихристом Петра I и Наполеона I. Вряд ли случайно деяния *этих лиц* упомянуты в «Арабесках», а равно и знамения, предвещающие приход антихриста: падение римского монаршества и проповедь Евангелия во всем мире (в статьях «О преподавании всеобщей истории», «О средних веках»). Явственно обозначены черты «последних времен» в повестях. Так, ростовщик в «Портрете» прямо назван антихристом, разговор и письма собачек в «Записках сумасшедшего» представляют «речь звериного существа» как одну из примет «конца света», а вечерами на Невском проспекте «сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать всё не в настоящем виде» (III, 46).

С этой точки зрения «Арабески» можно понимать и как поспешные фрагментарные *зарисовки* «уходящей природы» — почти завершенной истории мира, которую автор торопится запечатлеть и представить на суд современников, ставших свидетелями «последних времен», объяснить им смысл происходящего. Тот же мотив «завершенной истории», только истории национальной, присущ и сборнику «Миргород», где четыре повести содержат черты четырех «вневременных» форм: идиллии, эпопеи, мистерии, сатиры¹⁷ — и по-своему перекликаются с хрестоматийными произведениями и направлениями, их породившими, образуя своего рода *круг* литературных отражений жизни народа. И хотя позднее эсхатологические идеи потеряли актуальность и были переосмыслены писателем (что, видимо, «отменило» в его глазах «Арабески»), именно они в 1835 г. дали начало и «Ревизору», и «Мертвым душам»...

Примечания

¹ Об этом см.: *Аксаков С.Т.* История моего знакомства с Гоголем // Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 88-91.

² *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М., 1983. С. 59-65.

³ *Манн Ю.В.* «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н. В. Гоголя. 1809-1835 гг. М., 1994. С. 314.

⁴ Дарственная надпись на книге «Арабески», которую Гоголь сделал для С. Ф. Гаевского в начале 1835 г., свидетельствует о постоянных отношениях пациента и врача.

⁵ Неважно, была ли болезнь настоящей или мнимой **изначально** (о ней см. в ст. доктора А. Т. Тарасенкова «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя», 1856). О том, как осмысливал писатель этапы своей болезни, см. в ст.: *Анненкова Е.И.* Физиология болезни в сознании Гоголя и христианская традиция // Н. В. Гоголь и современная культура: Шестые Гоголевские чтения: Мат-лы докладов и сообщений Международ. конф. М., 2007. С. 147-158.

⁶ Записная тетрадь Гоголя, из числа принадлежавших И. С. Аксакову. — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 199, ед. хр. 1 (черновые материалы для начала истории Малороссии на л. 2-3об; отрывок повести «Нос» на л. 4об; варианты отрывка <Мне нужно видеть полковника> на л. 6-6об; три украинские повести на л. 12-40).

⁷ *Манн Ю.В.* Цит. соч. С. 352.

⁸ *Казарин В.П.* Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»: Вопросы творческой истории. Киев; Одесса, 1986. С. 33.

⁹ См. в нашей статье: Черты «Портрета» (особенности черновой и первопечатной редакции повести) // Гоголь как явление мировой литературы: Сб. ст. по мат-лам междунаро. науч. конф., посвященной 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. М., 2003. С. 187.

¹⁰ *Манн Ю.В.* Цит. соч. С. 357-358.

¹¹ –он –инский. Литературные мечтания // Молва. 1834. № 52.

¹² Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. М., 1834. С. IV.

¹³ Наблюдение А. А. Карпова.

¹⁴ Об этом см.: *Маркович В.* Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л., 1989. С. 61-64.

¹⁵ Там же. С. 66.

¹⁶ *Чижевский Дм.* Неизвестный Гоголь//Новый журнал (Нью-Йорк). 1951. № 27. С. 140.

¹⁷ Ср.: *Звняцковский В.Я.* Справжній Гоголь: який він і хто він? (Настоящий Гоголь: какой он и кто он?) // *Гоголь М.* Вечори на хуторі біля Диканьки. Миргород / Составитель, автор ст. и примеч. В. Я. Звняцковский. Киев, 2008. С. 473.

